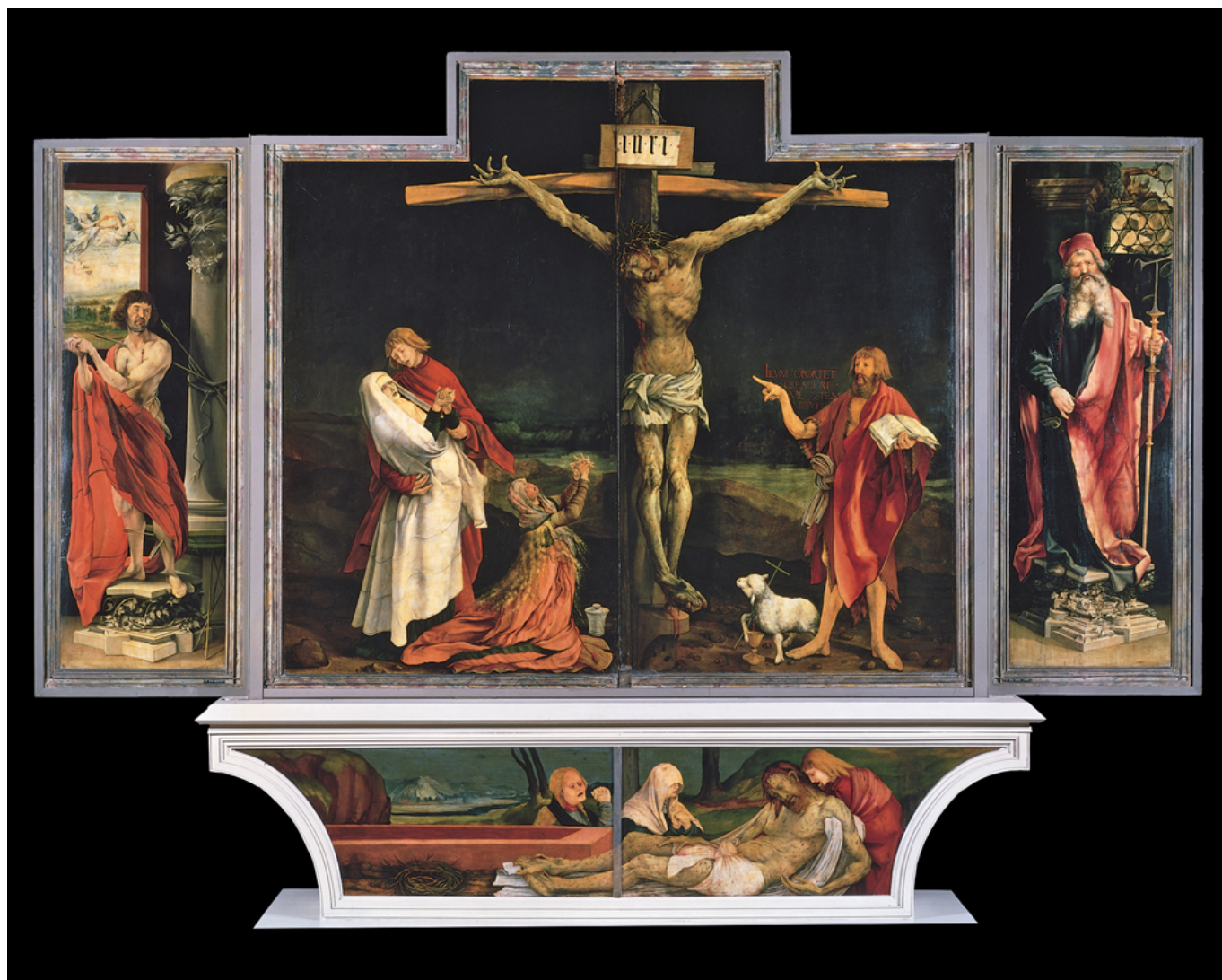

Сострадание как христианская добродетель: от «теодицеи страдания» к «заботе о жертвах»

ЕВГЕН ГАЛЬОНА

5 ГРУДНЯ 2018

В широком плане, лекция посвящена рассмотрению формирования идеи сострадания. В докладе показано, что фундаментальную роль в этом генезисе сыграло христианское богословие и иконография (в особенности периода высокого средневековья), интерпретирующие смерть Христа как искупительную жертву.

Зображення: Маттіас Грюневальд/Вікісховище

В этом ракурсе понятие «сострадание» противопоставлено античному представлению о жалости. В более узком плане, данная постановка темы позволила прояснить некоторые элементы теории Рене Жирара; в частности раскрыть непоследовательность критики Жираром «жертвенной интерпретации» библейских текстов при утверждении «заботы о жертвах» как главного социального достижения христианства. В лекции сделана попытка продемонстрировать, что сама «забота о жертвах» непосредственно вырастает из «жертвенной интерпретации».

«Обеспокоенность жертвами» – это понятие Рене Жирара, появляющееся в его поздней работе «Я вижу Сатану, падающего как молния» (1999). В ней Жирар пытается показать, что главная социальная черта христианства – это то, что он называет обеспокоенностью жертвами, т.е. некая активность, направленная на защиту и оберегание жертв в сообществе. Жирар говорит, что это достаточно современное явление, которое он связывает с

христианством: *«Исследуйте древние свидетельства, ищите повсюду, во всех закоулках нашей планеты, и вы нигде не найдёте чего-то хотя бы отдаленно напоминающего современную обеспокоенность проблемой жертвы. Ни Китай мандаринов, ни Япония самураев, ни Индия, ни доколумбовы цивилизации, ни Греция, ни Рим в период Республики или Империи ни на толику не интересовались миром жертв, которые в огромном количестве приносились на алтарь богов, отечества и амбиций разного калибра»*. Жирар считает, что только с христианством появляется обеспокоенность жертвами, и в культуре она стала проявляться относительно недавно. Более того, то, что он называет обеспокоенностью жертвами, в сознании современного человека уже не имеет отношения к христианству, но Жирар утверждает, что корни её, конечно же, находятся в христианстве и называет эту обеспокоенность *«светской маской христианской любви»*.

В Античности мы имеем дело с жалостью, а зарождение сострадания происходит одновременно с возникновением христианства. Томас Сас во введении в книгу «Жестокое сострадание» утверждает, что ни греки, ни римляне не доверяли чувству сострадания. Уильям Тарн в своей книге об Александре Великом пишет, что его жалость к врагам вызывала недоумение у его воинов. Это было что-то исключительное и странное: *«Ни один публичный человек в истории Греции, как мне кажется, никогда не показывал жалость»*. Можно также вспомнить стоицизм и некоторые пассажи из Платона, где чувство жалости описывается как что-то негативное.

Мой любимый пример – это рассказ Сенеки Старшего «Контroversии» о художнике Парассии. Парассий, известный Афинский художник из Эфесса V века, покупает раба-старика. Парассию же афиняне заказали написать картину «Пригвождённый Прометей». Он берёт старика и создаёт из него модель, и поскольку он кажется ему недостаточно печальным, он приказывает бить и всячески истязать раба любыми возможными методами и в конечном итоге прибывает его к кресту. Тогда афиняне говорят Парассию, что он слишком далеко зашёл в своём искусстве. На это Парассий отвечает: «Я его купил, он мой, я владею им по праву победителя», и добавляет слугам, чтобы они продолжали. Старик уже на последнем издыхании, Парассий же говорит слуге: «Мучай его как следует, ещё, ещё, прекрасно, держи его в таком состоянии, вот оно лицо Прометея терзаемого, Прометея умирающего». Старик впадает в агонию и в своих столах обращается к Парассию: «Парассий, я умираю», на что тот ему отвечает: «Вот, вот, оставайся таким же». В этом рассказе также присутствуют сторонние наблюдатели, и интересна их мотивация. Одна из них заключается в том, что присутствующий говорит Парассию: «Ты мучаешь не только старика, но и наши глаза». Самый сильный посыл же идёт от человека, который говорит: «Престиж Афин затронут. Мы всегда считались жалостливыми». Это очень важный момент, когда мы говорим о Греции как о едином пространстве, ведь полисы разнились друг от друга своей культурой, и как раз

афиняне, о которых мы знаем больше всего, отличались своей сострадательностью или жалостливостью. Это мы знаем, потому что только в Афинах была статуя богини Элеос, имя которой с греческого переводиться как «жалость». Павсаний пишет, что афиняне единственные, кто поклонялся ей.

Мы также можем вспомнить об Аристотеле, который в своей «Поэтике», говоря о катарсисе, объясняет, что это явление имеет отношение к жалости и страху. В самой «Поэтике» Аристотель говорит мало о понятии жалости, но в «Риторике», он пишет о том, что принято переводить как «сострадание», хоть правильно было бы говорить «жалость»: *«Пусть будет сострадание некоторого рода печаль при виде бедствия, которое может повлечь за собой гибель или вред и которое постегает человека, этого не заслуживающего, бедствия, которое могло бы постигнуть или нас самих, или кого-нибудь из наших, и притом, когда оно оказывается кажется близким»*. Сейчас я попытаюсь сравнить этот фрагмент с пониманием сострадания, которое дает нам Августин. Мы увидим, что для греческой жалости важно сохранять дистанцию, в то время как для христианского сострадания, наоборот, очень важно единение, нечто совместное. Определение Аристотеля, как и весь трактат «Риторика», посвящен эмоциям, здесь нет рассуждения о добродетели, в то время как в раннехристианском понимании сострадание – это, прежде всего, некое действие помощи.

Августин, скорее всего, прочитывая аристотелевское определение катарсиса, в «Исповеди» пишет: *«Но разве можно сострадать театральным басням? И разве призовут его здесь на помощь?»*. Для Августина здесь самое важное то, что глядя на театральное представление, всё сострадание, которое мы можем испытывать – это некий эмоциональный отклик. В то время как для него настоящее сострадание приходит лишь в момент помощи страждущему: *«нет, его приглашают лишь печалиться, и чем более он опечален, тем благодарнее автору этого измышления. Если старинные, придуманные бедствия не тревожат его, он бранит автора и актёров и, зевая, покидает театр. А если тревожат, он глядит неотрывно, печалясь и радуясь»*.

Возвращаясь к Аристотелю и сравнивая античное определение жалости и христианское понимание сострадания, важно отметить, что для Аристотеля боль должна быть очевидной («печаль при виде бедствия»). А если мы, допустим, откроем Григория Нисского, мы увидим: *«Люди, которые подвержены плотским желаниям, достойны жалости, даже не смотря на то, что они не испытывают боли»*. В христианстве понятие боли становится не принципиальным, поскольку речь идет уже не об эмоции, а о некотором действии, действии помощи. Другой принципиальный момент – это то, что, в понимании Аристотеля, в жалости нет разделения страдания. Человек, испытывающий чувство жалости, не разделяет страдания с человеком, к которому он испытывает жалость. Латинское слово *compassio* появляется только в

христианских текстах, начиная с Тертуллиана и Лактанция. До этого в латыни даже не существовало такого понятия (*com-passio*, сострадание). Также стоит отметить, что у греков нет жалостливых богов, в то время как для христианства это становится основой: «Боже, будь милостив ко мне грешному». И само проявление жалостливого, страдающего Господа в греческом языке появляется только во времена перевода Ветхого Завета на греческий язык, а особенно псалмов.

Мне бы хотелось вернуться к Жирару и его обеспокоенности жертвами. Я считаю, что «обеспокоенность» следует переводить на русский язык как «забота», потому что Жирар говорит конкретно о некоем действии. Обеспокоенность же – это некое ощущение, декларация в большей степени, нежели какое-то реальное действо, в то время как Жирар говорит об определённой активности. Поэтому забота о жертвах должна подчеркивать деятельность. В качестве примера Жирар говорит о деле Дрейфуса. Согласно Жирару, его суть заключается в том, что проявляется активность по защите кого-то несправедливо обвиненного или осужденного. Сообщество должно защищать. Сама позиция должностящего защищать, по Жирару, приходит из христианства, из христианского понимания сострадания как деятельности.

Почему я так это реконструирую? Потому что Жирар косвенным образом утверждает, что в основе заботы о жертвах лежит сострадание. И вот как он это делает. Жирар считает, что Ницше был самым проницательным в понимании сути христианства. Именно поэтому Ницше атакует самое ядро христианства, которым как раз и является сострадание: *«Христианство называют религией сострадания. Сострадание противоположно тоническим эффектам, повышающим энергию жизненного чувства; оно действует угнетающим образом. Через сострадание теряется сила. Состраданием еще увеличивается и усложняется убыль в силе, наносимая жизни страданием. Само страдание делается заразительным через сострадание. <...> Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть. Оно встаёт на защиту в пользу обездоленных и осуждённых жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачной и возбуждающей сомнения. Осмелились назвать сострадание добродетелью (в каждой благородной морали оно считается слабостью), пошли ещё дальше: сделали из него добродетель по преимуществу, почву и источник всех добродетелей»*. Как вы видите, для Ницше сострадание является тем самым негативным, что привнесло в культуру христианство. То, что Жирар называет наибольшим христианским наследием – забота о жертвах – строится на сострадании и первым, по Жирару, это обнаруживает Ницше в своей критике христианства.

Теперь рассмотрим вопрос, откуда возникает забота о жертвах в христианстве. Жирар об

этом много не пишет, но у него есть одна интересная ссылка на Макса Вебера: *«В книге «Древний иудаизм» Вебер говорит о явной тенденции библейских писателей нравственно солидаризироваться с жертвами, быть на их стороне. Этому наблюдению Макс Вебер придает исключительно социологическое и культурное значение. Он объясняет такое отношение к жертвам, характерное для культурной атмосферы иудаизма, бесчисленными катастрофами, сопровождавшими евреев на протяжении всей истории их существования, и в отсутствии у этого народа больших исторических достижений, сопоставимых с достижениями соседствующих с ними великих империй Египта, Ассирии, Вавилона, Персии, Греции, Рима и т.д.»*. Что здесь важно? Жирар говорит, что внимание к жертвам приходит в христианство из античного иудаизма. Он это вычитывает у Вебера. Однако у Вебера эти рассуждения рождаются в контексте его исследования проблемы теодицеи, то есть причины, почему благой Бог допускает страдания в мире и никак этому не препятствует. В контексте античного иудаизма это серьезный вопрос, потому что евреи – избранный народ, но вокруг у всех всё хорошо, тогда как у избранного народа – не очень. Вебер говорит, что в античном иудаизме существует две теодицеи. Первая – это теодицея катастрофы, говорящая, что вы страдаете за ваши грехи. Он обнаруживает такую теодицею у пророков до изгнания, т.е. у Амоса, Осии и Иеремии. Амос пишет, что не может быть в городе зла, если Господь не пожелает этого. Таким образом, что делают эти пророки? Они из проблемы выводят решения. Раз вы страдаете, вы виноваты. Согласно Веберу, это самая распространенная теодицея иудаизма.

Однако есть ещё одна. Вебер называет её самой радикальной и действительно серьёзной теодицеей античного иудаизма. Находится она во второй части Книги пророка Исаии, в известных песнях «слуги Господнего». Заключается она в том, что существует некий слуга Господа, который претерпевает, однако, в отличие от теодицеи катастрофы, делает это не потому, что он грешен, а наоборот, потому что безгрешен и невиновен, и он берёт на себя грехи всех других: *«Нет в Нём ни вида, ни величия. И мы видели Его, и не было в Нём вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, а мы отвращали от Него лицо своё. Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни. А мы думали, что Он был поражаем, наказуем и унижен Богом. Но Он изъяснен был за грехи наши, и мучим за беззакония наши. Наказание мира нашего была на Нём, и ранами его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас»*. (Ис, 53, 2-6) Что здесь важно? Происходит изменение перспективы на саму роль страдания. Если в теодицее катастрофы страдание – это наказание за грехи, то в теодицее страдания оно, наоборот, является знаком благочестия и невинности. Более того, внутри этой теодицеи само страдание приобретает важность и значение. Это уже не просто наказание, это и есть знак того, что ты благочестив и невинен. Таким образом, замечает Вебер, больные, болезненные, угнетённые и униженные получают более высокий статус. Конечно, в античном

иудаизме входило в обязанность следить за больными и немощными, но сами они никогда не были образцом благочестия. Теодицея страдания меняет их положение: *«Бедные, больные, немощные, беспризорники, вдова, наемные рабочие были объектами милосердия, входящего в обязанность. Они представляли собой высшую мораль конкретной религиозной благочестивости»*.

Очень интересно сравнить мысли Вебера с идеями Ницше, о которых мы говорили ранее. Аналитика Ницше понятия «ресентимент» накладывается на веберовский анализ теодицеи страдания. Буквально то, о чём Ницше рассуждал абстрактно как об изменении ценностей, Вебер обнаруживает исторически и текстуально. Можно с уверенностью говорить, что это не случайно, потому что Вебер хорошо знал тексты Ницше. Несмотря на то, что Вебер критикует Ницше за очень плоское и в корне неверное понимание христианства, сам он достаточно много черпает из ницшеанского анализа.

Вебер говорит о том, что теодицея страдания, которую он обнаруживает во второй части книги Исаии, никогда не была популярна в кругах иудаизма. Самой главной и простой была теодицея катастрофы. Теодицея же страдания развивается внутри христианства (слуга Господень как предвестник Христа). Для христианства это одна из ключевых концепций. В той же 53 главе Исаии: *«Он истязаем был, но страдал добровольно, и не открывал уст своих; как овца, ведён был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст своих»* (53,7). А также: *«Но Господу было угодно поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его»* (53, 10). Таким образом, внутри теодицеи страдания крайне важную роль играет понятие жертвоприношения. Соответственно, когда позже это переносится в христианскую модель сострадания, всё равно структура жертвоприношения продолжает играть очень важную роль, что не замечает Жирар в своей критике, хотя и отходит впоследствии от столь радикальных позиций.

С полной записью лекции Евгения Галёны, прочитанной в киевском Институте св. Фомы Аквинского, вы можете ознакомиться ниже.

/home/kairosbo/verbum.com.ua/www/wp-includes/post-template.php on line **284**